

Висенте Бласко-Ибаньес

Брошенная лодка

Висенте Бласко-Ибаньес

Брошенная лодка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3167735

Аннотация

«Песчаный берегъ зъ Торресадодаь съ многочисленными лодками, вытащенными на сушу, служилъ мѣстомъ сборища для всего хуторского люда. Растянувшіеся на животъ ребятишки играли въ карты подъ тѣню судовъ.

Старики покуривали глиняныя трубки привезенныя изъ Алжира, и разговаривали о рыбной ловлѣ или о чудныхъ путешествіяхъ, предпринимаемыхъ въ прежнія времена въ Гибралтаръ или на берегъ Африки прежде, чѣмъ дьяволу взбрело въ голову изобрѣсти то, что называется табачною таможеню...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

Висенте Бласко-Ибаньес

Брошенная лодка

Песчаный берег зъ Торресадодасть съ многочисленными лодками, вытасченными на сушу, служилъ мѣстомъ сборища ддя всего хуторского люда. Растянувшіеся на животѣ ребятишки играли въ карты подѣ тѣнью судовъ.

Старики покуривали глиняныя трубки привезенныя изъ Алжира, и разговаривали о рыбной ловлѣ или о чудныхъ путешествіяхъ, предпринимаемыхъ въ прежнія времена въ Гибралтаръ или на берегъ Африки прежде, чѣмъ дьяволу взбрело въ голову изобрѣсти то, что называется табачною таможеню.

Легкіе ботики съ бѣлымъ и голубымъ брюшкомъ граціозно наклоненной мачтой составляли передній рядъ, на самомъ краю берега, гдѣ кончались волны, и тонкій слой воды полировалъ песокъ, точно хрусталь. За ними лежали обильно осмоленные черныя парныя лодки, ожидавшія зимы, чтобы выйти въ море, бороздя его своимъ хвостомъ изъ сѣтей. А въ последнемъ ряду находились чинившіеся лауды, дѣдушки, около которыхъ работали конопатчики, смазывая ихъ бока горячимъ дегтемъ. Этимъ лаудамъ предстояло снова предпринять тяжелое и однообразное плаваніе по Средиземному морю – то на Балеарскіе острова съ солью, то къ Алжирскимъ берегамъ съ восточными плодами, а многимъ съ дынями

и картофелемъ для красныхъ солдатъ въ Гибралтарѣ.

Втеченіе года населеніе песчанаго берега мѣнялось. Починенные лауды отправлялись въ море, рыболовныя суда снаряжались и тоже спускались на воду. Только одна брошенная лодка безъ мачтъ оставалась пригвожденною къ песку, печальною, одинокою, въ обществѣ одного только карабинера, садившагося подъ ея тѣнью.

Краска на ней расползлась подъ лучами солнца. Доски дали трещины и стали скрипѣть отъ сухости; пескомъ, вздымаемымъ вѣтромъ, занесло на ней палубу. Но ея тонкій профиль, стройные бока и прочность постройки обнаруживали въ ней легкое и смѣлое судно, предназначенное для бѣшеннаго хода, съ полнымъ презрѣніемъ къ морской опасности. Она отличалась печальною красотою тѣхъ старыхъ лошадей, которыя были прежде горячими и гордыми скакунами и падаютъ слабыми и обезсиленными на песокъ арены, для боя быковъ.

У нея не было даже имени. Корма была чиста, и на бокахъ не было никакого намека на номеръ или названіе. Это было неизвѣстное существо, которое умирало среди остальныхъ лоокъ, гордившихся своими напыщенными именами, какъ умираютъ въ мірѣ нѣкоторые люди, не разоблачивъ тайны своей жизни.

Но инкогнито лодки было лишь кажущимся. Всѣ знали ее въ Торресалинасъ и говорили о ней не иначе, какъ съ улыбкою и подмигиваніемъ, точно она напоминала что-то особен-

ное, вызывавшее тайное наслаждение.

Однажды утромъ, въ тѣни заброшенной лодки, когда море кипѣло подъ лучами солнца и напоминало голубое, усѣянное свѣтовыми точками небо въ лѣтнюю ночь, одинъ старый рыбакъ разсказалъ мнѣ ея исторію.

– Эта фелюга, – сказалъ онъ, лаская ладонью руки сухой остовъ судна: – это Закаленный, самая смѣлая и извѣстная лодка изо всѣхъ, что ходятъ въ морѣ отъ Аликанте до Картагены. Пресвятая Божія Матерь! Какую уйму денегъ заработала эта преступница! Сколько дура вышло отсюда! Она сдѣлала по крайней мѣрѣ двадцать переходовъ изъ Орана къ нашимъ берегамъ и трюмъ ея былъ всегда туго набитъ грузомъ.

Странное и оригинальное названіе Закаленный нѣсколько удивило меня, и рыбакъ замѣтилъ это.

– Это прозвище, кабальеро. Они даются у насъ одинаково, какъ людямъ, такъ и лодкамъ. Напрасно расточаетъ на насъ священникъ свою латынь. Кто здѣсь крестить по настоящему, – это народъ. Меня напримѣръ зовутъ Филиппомъ. Но если я буду нуженъ вамъ когда-нибудь, то спросите Кастелара ¹. Всѣ знаютъ меня подъ этимъ именемъ, потому что я люблю поговорить съ людьми, и въ трактирѣ я – единственный, который можетъ почитать товарищамъ газету. Вонъ тотъ мальчикъ, что идетъ съ рыбной корзиной, это Искра, а хозяина его зовутъ Сѣдымъ, и такъ мы всѣ здѣсь

¹ Кастеларъ – писатель и государственный дѣятель второй половины XIX вѣка.

окрещены. Владѣльцы лодокъ ломають себѣ голову, придумывая хорошенькое названіе, чтобы намалевать его на кормѣ. Одну лодку зовутъ Безпорочное Зачатіе, другую – Морская Роза, ту вонъ – Два Друга. Но является народъ со своею страстью давать прозвища и называетъ лодки Индюшкою, Попугайчикомъ и т. д. Спасибо еще, что не даютъ имъ менѣе приличныхъ названій. У одного изъ моихъ братьевъ – самая красивая изъ всѣхъ здѣшнихъ лодокъ. Мы окрестили ее именемъ моей дочери – Камиларіо, но выкрасили ее въ желтый и бѣлый цвѣтъ; и въ день крещенія одному изъ мальчишекъ на берегу взбрело въ голову сказать, что она похожа на яичницу. И что же, повѣрите ли? Ее знаютъ только подъ этимъ прозвищемъ.

– Хорошо, – прервалъ я его: – но почему же прозвали эту лодку Закаленный?

– Ея настоящее названіе – Смѣльчакъ, но за быстрходность и бѣшеное упорство въ борьбѣ съ морскими волнами, ее стали звать Закаленный, какъ человѣка, привыкшаго ко всему... А теперь послушайте, что произошло съ бѣднягою немного болѣе года тому назадъ, послѣдній разъ, когда онъ шелъ изъ Орана.

Старикъ оглядѣлся во всѣ стороны и убѣдившись въ томъ, что мы одни, сказалъ съ добродушною улыбкою:

– Я находился на немъ. Это знаютъ всѣ въ деревнѣ, но вамъ-то я говорю объ этомъ, потому что мы одни, и вы не станете потомъ вредить мнѣ. Чортъ возьми! Побывать въ эки-

пажѣ на Закаленномъ, это не безчестье. Всѣ эти границы, и карабинеры, и суда табачной таможни, вовсе не созданы Господомъ Богомъ. Ихъ выдумало правительство, чтобы бѣднымъ людямъ хуже было жить. Контрабанда вовсе не грѣхъ, а весьма почетное средство для заработка съ рискомъ потерять шкуру на морѣ и свободу на землѣ. Это трудъ честныхъ и отважныхъ людей, угодныхъ Господу Богу.

Я зналъ хорошія времена. Каждый мѣсяцъ совершались два путешествія, и деньги катались по деревнѣ такъ, что одна прелесть. Ихъ хватало на всѣхъ — на бѣднягъ въ формѣ, которые не знаютъ, какъ содержать семью на двѣ песеты, и для насъ — морского люда.

Но дѣла шли съ каждымъ разомъ хуже и Закаленный выходилъ въ путь только по вечерамъ и то съ крайнею осторожностью, потому что хозяинъ прослышалъ, что за нами слѣдятъ и собираются наложить на насъ руки.

Въ послѣднемъ путешествіи насъ было на суднѣ восемь человекъ. Мы вышли изъ Орана на разсвѣтѣ и въ полдень, добравшись до высоты Карѳагена, увидали на горизонтѣ черное облачко, оказавшееся вскорѣ пароходомъ, который всѣ мы знали. Лучше бы надвинулась ма насъ буря. Это была канонерка изъ Аликанте.

Дуль хорошій вѣтеръ. Мы шли попутнымъ вѣтромъ съ туго натянутыми парусами. Но съ этими новыми изобрѣтеніями людей парусъ не стоитъ ничего, а хорошій морякъ — и еще меньше того.

Не думайте, что насъ нагоняли, сеньоръ. Хорошъ былъ бы Закаленный, если бы попался имъ въ руки при сильномъ вѣтрѣ! Мы плыли, какъ дельфинъ съ наклоненнымъ корпусомъ, и волны захлестывали палубу. Но на канонеркѣ поднажали на машины, и судно становилось въ нашихъ глазахъ все крупнѣе. Впрочемъ, не по этой причинѣ падали наши шансы. О, если бы это произошло подъ вечеръ! Ночь наступила бы прежде, чѣмъ онъ настигнетъ насъ, а въ темнотѣ насъ не найти. Но до ночи оставалось еще нѣсколько свѣтлыхъ часовъ и, идя вдоль берега, мы несомнѣнно попались бы имъ въ руки.

Хозяинъ управлялъ рулемъ съ осторожностью чловѣка, все состояніе котораго зависитъ отъ неправильнаго поворота. Бѣлое облачко отдѣлилось отъ парохода, и мы услышали пушечный выстрѣлъ.

Но не увидя ядра, мы весело засмѣялись и даже возгордились тѣмъ, что насъ иредупреждаютъ съ такимъ шумомъ.

Снова раздался выстрѣлъ, но на этотъ разъ болѣе сердитый. Намъ показалось, будто надъ лодкою пронеслась со свистомъ большая птица; рея обрушилась съ разорвочными снастями и парусомъ. Насъ обезоружили, и къ тому же дерево переломило при паденіи ногу одному изъ экипажа.

Признаюсь, что мы слегка струхнули. Мы уже думали, что насъ поймаютъ. Чортъ возьми!

Попастъ въ тюрьму, точно воры, за то, что зарабатываешь хлѣбъ для семьи, это пострашнѣе бурной ночи. Но хозяинъ

Закаленного это человекъ, который стоитъ не меньше своей лодки.

— Не бѣда, ребята. Вытащите новый парусъ. Если поторопитесь, то насъ не поймають.

Онъ говорилъ не глухимъ людямъ, и торопить насъ ему не пришлось дважды. Бѣдный нашъ товарищъ извивался, какъ ящерица, лежа на носу судна, ощупывая сломанную ногу, не переставая стонать и умоляя ради всѣхъ святыхъ дать ему глотокъ воды. Но намъ некогда было возиться съ нимъ! Мы дѣлали видъ, что не слышимъ его, занятые исключительно своимъ дѣломъ, разбирая снасти и прилаживая къ мачтѣ запасной парусъ, который мы подняли черезъ десять минутъ.

Хозяинъ перемѣнилъ курсъ. Бороться въ морѣ съ такимъ врагомъ, который двигался паромъ и извергалъ ядра, было бесполезно. На сушу, и будь, что будетъ!

Мы находились противъ Торресалинасъ. Всѣ мы были отсюда и рассчитывали на друзей. Увидя, что мы держимъ курсъ на сушу, канонерка перестала стрѣлять. Они считали насъ пойманными и, будучи увѣрены въ успѣхъ, замедлили ходъ. Народъ, находившійся на берегу въ Торресалинасъ, сейчасъ же замѣтилъ насъ, и вѣсть мигомъ облетѣла всю деревню: Закаленного преслѣдуетъ канонерка!

Надо было видѣть, что произошло — настоящая революція, повѣрьте мнѣ, кабальеро. Поль-деревни приходилось намъ сродни, а остальные извлекали косвенныя выгоды изъ нашего дѣла. Этотъ берегъ сталъ похожимъ на муравейникъ.

Мужчины, женщины и дѣти слѣдили за нами съ тревожнымъ взглядомъ, оглашая берегъ радостными криками при видѣ того, какъ наша лодка дѣлала послѣднія усилія и все болѣе опережала своего преслѣдователя, пріобрѣтая полчаса запаса.

Даже алькадь² былъ тутъ, чтобы послужить доброму дѣлу. А карабинеры, славные ребята, которые живутъ среди насъ и считаются нами безъ малаго своими, отошли въ сторонку, понявъ въ чемъ дѣло и не желая губить нѣсколькихъ бѣдныхъ людей.

– На сушу, ребята! – закричалъ нашъ хозяинъ. – Бросимъ якорь. Важно спасти грузъ и людей, а Закаленный сумѣеть выбраться изъ этихъ передрагъ.

И, не убирая парусовъ, мы пристали къ берегу, врѣзавшись носомъ въ песокъ. Вотъ тутъ-то закипѣла работа! Еще теперь, когда я вспоминаю о ней, все это кажется мнѣ сномъ. Вся деревня набросилась на лодку и взяла ее приступомъ. Ребятишки зашныряли въ трюмъ, точно крысы.

– Скорѣе, скорѣе! Идутъ правительственные!

Тюки прыгали съ палубы и падали въ воду, гдѣ ихъ подбирали босые мужчины и женщины съ подоткнутыми юбками. Одни исчезали справа, другіе слѣва, и вскорѣ исчезъ весь грузъ, точно онъ былъ поглощенъ пескомъ. Вся деревня Торресалинасъ была окутана волною табаку, которая проникала въ дома. Алькадь вмѣшался тутъ по-отечески.

² Алькадь – мѣстный судья.

– Ты уже очень постарался, батюшка, – сказала онъ хозяйину. – Они уносятъ все, и карабинеры будутъ жаловаться. Оставьте, по крайней мѣрѣ, нѣсколько тюковъ, чтобы оправдать подозрѣнія.

Нашъ хозяинъ согласился съ нимъ.

– Хорошо, сдѣлайте нѣсколько маленькихъ тюковъ изъ двухъ большихъ худшаго сорта. Пусть удовольствуются этимъ.

И онъ ушелъ по направленію къ деревнѣ, унося на груди всѣ документы лодки. Но онъ пріостановился еще на минутку, потому что этотъ дьявольскій человекъ вникалъ во все рѣшительно.

– Надписи! Сотрите надписи!

Казалось, что у лодки выросли лапы. Она была уже на сушѣ и вытянулась на песокъ среди кипѣвшей и работавшей толпы, оживляемой веселыми криками.

– Вотъ такъ штука! Вотъ такъ штука продѣлана съ правительственными!

Нашего товарища со сломанной ногой понесли на рукахъ жена и мать. Бѣдняга стоналъ отъ боли при каждомъ рѣзкомъ движеніи, но глоталъ слезы и смѣялся, какъ остальные, видя что грузъ будетъ спасенъ, и радуясь продѣлкѣ, смѣшившей всѣхъ окружающихъ.

Когда послѣдніе тюки исчезли на улицахъ въ Торресалинасъ, началось ограбленіе самой лодки. Народъ утащилъ паруса, якоря, весла.

Мы сняли даже мачту, которую взвалила на плечи толпа молодых парней и унесла въ процессіи на другой конецъ деревни. Остался одинъ только остовъ, голый, какъ сейчасъ.

А въ это время конопатчики съ кистями въ рукахъ малевали и малевали. Закаленный мѣняль свою фізіономію, какъ осель у цыганъ. Четырмя мазками было уничтожено названіе на кормѣ, а отъ надписей на бокахъ, отъ этихъ проклятыхъ надписей, которыя служатъ документомъ для каждой лодки, не осталось ни слѣда.

Канонерка бросила якорь въ то самое время, когда послѣднее утащенное съ лодки добро исчезало при входѣ въ деревню. Я остался на берегу и сталъ для пущей правдоподобности помогать нѣсколькимъ пріятелямъ, спускавшимъ на море рыболовное судно.

Канонерка выслала вооруженный ботикъ, и на берегъ выскочило сколько-то человѣкъ съ ружьями и штыками. Старшой, шедшій впереди, бѣшено ругался, глядя на Закаленного и на карабинеровъ, овладѣвшихъ имъ.

Все населеніе Торресалинасъ смѣялось въ это время, ликуя по поводу продѣлки; но оно посмѣялось бы еще больше, увидя, какъ я, какая была фізіономія у этихъ людей, когда они нашли вмѣсто груза нѣсколько тюковъ сквернаго табаку.

— А что произошло потомъ? — спросилъ я у старика. — Никого не наказали?

— А кого же наказывать? Развѣ только Закаленного, который былъ взять въ плѣнъ. Много бумаги было вымарано, и

поль-деревни было вызвано въ свидѣтели. Но никто ничего не зналъ. Гдѣ была приписана лодка? Всѣ молчать. Никто не видалъ надписи. Кто былъ въ экипажѣ? Нѣсколько чело-вѣкъ, которые бросились бѣжать внутрь страны, какъ только сошли на берегъ. И больше никто ничего не зналъ.

– А грузъ? – спросилъ я.

– Мы продали его цѣликомъ. Вы не знаете, что такое бѣд-ность. Когда мы бросили якорь, каждый схватилъ ближай-шій тюкъ и бросился бѣжать, чтобы спрятать его у себя дома. Но на слѣдующій день всѣ тюки оказались въ распоряженіи хозяина. Ни одинъ фунтъ табаку не потерялся. Тѣ, которые рискуютъ жизнью ради хлѣба и ежедневно встрѣчаются ли-цомъ къ лицу со смертью, болѣе свободны отъ искушеній, чѣмъ другіе...

– И съ тѣхъ поръ, – продолжалъ старикъ: – Закаленный находится здѣсь въ плѣну. Но онъ скоро выйдетъ въ море со своимъ прежнимъ хозяиномъ. Говорятъ, что маранье бума-ги кончилось; его продадутъ съ аукціона, и онъ останется за хозяиномъ по той цѣнѣ, какую тотъ захочетъ дать.

– А если кто-нибудь другой дастъ больше?

– А кто же это сдѣлаетъ? Развѣ мы разбойники? Вся де-ревня знаетъ, кто настоящій хозяинъ лодки; никто не станетъ мошенничать и вредить ему. Здѣсь все очень честные люди. Каждому свое, и море, принадлежащее Господу Богу, долж-но быть для насъ, бѣдныхъ людей, которые должны доставать изъ него хлѣбъ, хотя этого и не хочетъ правительство.